

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

ПУШКИН И ФЕНЕЛОН: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Д.П. Ивинский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dmitrij_ivinskij@mail.ru

Аннотация: В статье характеризуется отношение Пушкина к Фенелону, в том числе его отзывы о французском авторе, факты, свидетельствующие о его интересе к доступным ему изданиям сочинений Фенелона, стихотворный экспромт Пушкина «Скучной ролью Телемака...» (1824), позволяющий обсудить не только некоторые биографические факты, отражающие пребывание Пушкина на юге России, но и его мировоззрение, соотношенное с «духом эпохи» и отразившееся в целом ряде произведений. Проблема идентификации скрытых цитат из произведений Фенелона в сочинениях русского поэта рассматривается как имеющая второстепенное значение, а наиболее существенной признается сложно организованная сфера отраженных воздействий на литературно-идеологическое пространство пушкинской эпохи, в котором поэты и мыслители прошлого присутствовали неотменимо как те, кто задал религиозно-философскую и идеологическую «повестку дня». Важным элементом этого пространства было духовное наследие квиетизма, интерес к которому сохранялся на всем протяжении XVIII в., особенно в масонской среде, и усилился в 1810-е гг. В параллель к квиетистскому учению о возможности нисхождения благодати в душу, отрешившуюся от мира и от самой себя, собственной неизбывной без благоволения свыше греховности, Пушкин создавал контуры своей концепции поэтического творчества, в основу которой была положена тема «божественного глагола», который «касается» того, кто «влачится» в духовном опустошении «пустыни мрачной» («Пророк», 1826), сочетающаяся с темой *молчания* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824) и рядом других мотивов, связанных в т. ч. с поэзией В.А. Жуковского, опиравшегося, в частности, именно на Фенелона и квиетистскую мистику.

Ключевые слова: Фенелон; Пушкин; Тредиаковский; Инзов; квиетизм; история русской литературы.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-2

Для цитирования: Ивинский Д.П. Пушкин и Фенелон: к постановке вопроса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 23–38.

PUSHKIN AND FENELON: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Dmitriy P. Ivinskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

Abstract: The article characterizes Pushkin's attitude to Fenelon, including his reviews of the French author, facts testifying to his interest in the editions of Fenelon's works available to him, Pushkin's poetic impromptu "The Boring role of Telemachus..." (1824), which allows us to discuss not only some biographical facts reflecting Pushkin's stay in the south of Russia, but also his worldview, correlated with the "spirit of the era" and reflected in a number of works. The problem of identifying hidden quotations from Fenelon's works in the works of the Russian poet is considered to be of secondary importance, and the most significant is the complexly organized sphere of reflected influences on the literary and ideological space of the Pushkin era, in which poets and thinkers of the past were irrevocably present as those who set the religious, philosophical and ideological "agenda". An important element of this space was the spiritual heritage of Quietism, interest in which persisted throughout the 18th century, especially in the Masonic environment, and intensified in the 1810s. In parallel to the Quietist doctrine of the possible descent of grace into a soul that has renounced the world and itself, its own inescapable sinfulness without favor from above, Pushkin created the contours of his concept of poetic creativity, which was based on the theme of the "divine word", which "touched" someone who "dragged" in spiritual devastation "the gloomy Desert" ("The Prophet", 1826), combined with the theme of silence ("Conversation of a Bookseller with a Poet", 1824) and a number of other motifs, including those related to the poetry of V.A. Zhukovsky, who relied, in particular, on Fenelon and the Quietism.

Keywords: Fenelon; Pushkin; Trediakovskiy; Inzov; Quietism; the history of Russian literature

For citation: Ivinskiy D. (2024) Pushkin and Fenelon: To the Statement of the Problem. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 23–38.

Об интересе Пушкина к Фенелону и, в частности, к его знаменитому роману «Приключения Телемака, сына Улисса», который читался в России не только на языке оригинала (первое издание: [Fénelon 1699]), но и неоднократно переводился¹, известно мало, но нет сомнений ни в том, что этот интерес имел место, ни в том, что он был достаточно выражен для того, чтобы сохраниться на всем протяжении пушкинской жизни, ни в том, наконец, что в его основе

¹ Назовем основные: [Фенелон 1747 (второе изд.: 1767; третье изд.: 1782); Фенелон 1786; Фенелон 1788–1789; Фенелон 1797–1800; Фенелон 1805; Фенелон 1822; Фенелон 1835–1836]. Переводы романа на русский язык распространялись в рукописях, начиная с 1724 г. (см. в т. ч.: ОР РГБ. Ф. 310. № 944; № 1489; Ф. 178.1. № 3596; № 5689; Ф. 122. № 2); см. также копии на языке оригинала (в т. ч.: ОР РГБ. Ф. 256. № 797).

было ясное понимание неслучайности особого внимания к Фенелону со стороны как европейских, так и русских авторов, начиная по крайней мере с А.Д. Кантемира и В.К. Тредиаковского.

Оставляем в стороне сложную, как недавно выяснилось, проблему атрибуции и датировки надписи «Александр Пушкин», сделанной, возможно, Н.Н. Пушкиной на издании басен Фенелона 1809 г. [Краснобородько 2020; ср.: Модзалевский 1938], тем не менее отметив в скобках, что сам факт раннего или позднего пребывания этой книги у Пушкина или в его семье имеет некоторое симптоматическое значение.

Но никто не выражал сомнений в том, что, в соответствии с педагогическими практиками эпохи, Пушкин должен был познакомиться, как минимум, с «Приключениями Телемака» «еще, может быть, до Лицея и, несомненно, в Лицее» [Рак 2004]. Вместе с тем нет оснований утверждать, что позднее Пушкин утратил интерес к этому произведению и к его автору. В 1833 г., если принять беллетризованную версию Ю.О. Домбровского — И.А. Кастанье (1875–1958), обнародованную первым в двух вариантах, Пушкин оставил в Уральске «Приключения Телемака» 1703 г. издания [Fénelon 1703], а впоследствии книга оказалась у Кастанье². Если так, то придется признать, что Пушкин какое-то время путешествовал по местам пугачевского бунта с романом Фенелона, находившимся если не в руках поэта, то в его дорожном сундуке. Столь же или более выразительным (и во всяком случае твердо установленным) представляется тот факт, что в 1835 г. Пушкин купил три тома собрания сочинений Фенелона [Fénelon 1835]; они остались неразрезанными [Модзалевский 1910: 232], но сама эта покупка свидетельствует о том, что Пушкин намеревался перечитать или прочесть впервые какие-то произведения Фенелона.

Точных или идентифицируемых с большой долей вероятности цитат из произведений Фенелона в произведениях Пушкина до сих пор не обнаружено, хотя сам вопрос о них поставлен. Так, в начатом во время пребывания в Михайловском (1824–1826) и завершенном в 1835 г. вольном переложении т. н. первого фрагмента идиллий Шенье, известного Пушкину по внимательно им изученному первому изданию французского поэта [Chénier 1819: 69], «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...»), современный исследователь не без оснований усматривает «ассоциативное» влияние

² [Домбровский 1975: 206]; ср.: [Домбровский, 6: 180–181]. Первый из этих текстов включен В.Д. Раком в предельно краткую библиографию к уже цитировавшейся статье [Рак 2004], из чего следует, что свидетельство Домбровского исследователь воспринял как заслуживающее доверия.

пятнадцатой книги «хорошо известного поэту романа Фенелона “Приключения Телемака”» [Кардаш 2019: 220].

В принципе, возможно указать и на иные, но столь же «ассоциативные» параллели. Например, знаменитая сцена в «Полтаве», когда перед сражением появляется Петр I («Тогда-то свыше вдохновенный / Раздался звучный глас Петра: / “За дело, с богом!” Из шатра, / Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как божия гроза»), напоминает о сцене появления Телемака перед войсками в семнадцатой книге романа Фенелона («<...> il court hors du camp <...>: il appelle à lui d’une voix forte les chefs de l’armée <...>. Un feu divin étincelle dans les yeux du jeune guerrier. <...> il est prompt et rapide dans l’exécution <...>» [Fénelon, 20: 351–352]; ср.: «<...> он спешит <...>, он громко зовет предводителей войск <...>. Божественный огонь блистает в очах <...>. <...> он скор и решителен <...>» [Фенелон 1835–1836, 2: 104–105]).

Обязательность этой и некоторых других возможных параллелей, включая максимально далекие (странствия Телемака и пушкинского Гринева, сопровождаемые бурями на море / снежным бураном в степи и снами), представляется неочевидной: они вряд ли должны с ходу отбрасываться, но в настоящее время не могут рассматриваться как твердо установленные и, тем более, осмысленные функционально.

Однако существует иное измерение проблемы, не связанное с поиском заимствований и параллелей: сфера не прямых и не «текстуальных», а отраженных воздействий на литературно-идеологическое пространство в целом, характер мышления, картину мира, в которой поэты и мыслители прошлого присутствуют неотменимо как те, кто задал религиозно-философскую и идеологическую «повестку дня», по отношению к которой «цитаты» предстают чем-то вторичным, необязательным и даже несущественным.

Особое место в истории восприятия романа Фенелона в России занимает, конечно, «Телемахида», грандиозное создание В.К. Тредиаковского, исключительно высоко оцененное Пушкиным:

Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного. В Тилимахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов. <...>. Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих на-

ших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского — *habent sua fata libelli*.

[Пушкин, 11: 253–254]

С этим замечанием Пушкина, сделанном в «Путешествии из Москвы в Петербург», полемически направленном против радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»³, целесообразно соотносить пушкинское же упоминание о Фенелоне, включенном Пушкиным в ряд властителей дум:

Каким чудом посреди [сего жалкого ничтожества, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное [ли] покровительство Людовика XIV были причиной такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блестит и исчезает?.. Как бы то ни было, вслед за толпою бездарн.<ых>, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной фр.<анцузской> поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. И владычество их над умственной <жизнью> <?> просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

[Пушкин, 11: 270]⁴

³ В этом отношении существенно, что Пушкин, соглашаясь с Радищевым в высокой оценке Тредиаковского, противопоставляет последнего не Ломоносову, как это сделал Радищев, а Сумарокову и Хераскову, подразумевая при этом неколебимость Ломоносова, на которого нападал Радищев.

⁴ Конечно, этим не исчерпывается сказанное Пушкиным о Фенелоне. В статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836), оспаривая мнение критика о Франции и народах и интеллектуалах, «отуманенных гибельною для человечества новейшею философиею», Пушкин писал, выдвигая Фенелона на первое место в ряду наиболее влиятельных французских писателей и мыслителей: «Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё, — который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия, — ужели весь сей народ должен отвечать за произведения нескольких писателей, большую частью молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей?» [Пушкин, 12, 69]. В заметке «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (1836) Пушкин пошел еще дальше, заявив, что Фенелон «в высшей степени» принадлежит «к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения*» [Пушкин, 12: 99]. Наконец, обсуждая сервиллизм Корнеля, Расина, Мольера и Буало, Пушкин противопоставил им всем Фенелона: «Писатели (во Франции класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне.

Любопытно, что имя Фенелона фигурирует здесь рядом с именем Боссюэ, его неутомимого преследователя, от нападков которого Фенелон пытался защитить мадам де Гийон, с именем которой — и с именем Фенелона — обычно связывают расцвет квиетизма во Франции. Попытка Фенелона не привела к успеху, мадам де Гийон оказалась в тюрьме, ее заступник был удален от двора «за мистическую ересь» [Пушкин, 11: 271], но его спор с Боссюэ стал событием общевропейского значения. Но прежде чем сказать несколько слов о квиетизме, вернемся к роману о Телемаке.

Во время пребывания Пушкина в Одессе ему пришлось по крайней мере один раз примерить на себя историю Телемака:

В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, коей блистательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший знакомый его из Кишинева писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем-Телемаком. В ответ вот что между прочим сказал он ему стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?»

[Сушков 1858: 16 вт. паг.]; то же: [Вигель 1893: 576]

Это упоминание о Телемаке отсылает, в частности, к той ситуации, в которой Пушкин оказался в Кишиневе, где Ментор-Инзов доброжелательно, терпеливо и внимательно искал возможности обратиться к Церкви, истинному Свету и последним вопросам бытия. Даже если мнение, согласно которому «служебный перевод» Пушкина в Кишинев был «масонским путешествием», является преувеличением, придется признать и то, что именно в Кишиневе Пушкин вступил в масонскую ложу, что вряд ли могло произойти без ведома Инзова, прекрасно осведомленного обо всем происходившем в ложе «Овидий» и вокруг нее. По этой причине весьма

Людв.<ик> XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, камердинер Молиер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин (не смотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование. — Зато Лаф.<онтен> умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии — отдаленный от двора <...>» [Пушкин, 11: 271].

вероятно, что именно Инзов сделал Пушкину предложение соответствующее предложение, а уклончиво-отрицательный ответ Инзова на запрос начальника Главного штаба Его Имп. Величества генерала князя П.М. Волконского о масонстве Пушкина [Летопись, 1: 263, 265] свидетельствует и о стремлении Инзова защитить поэта, и об остроте сложившейся ситуации.

Инзов был теснейшим образом связан с миром московского розенкрейцерства: воспитанник князя Ю.Н. Трубецкого, одного из руководителей русского «мартинизма», он учился в Благородном пансионе при Московском университете вместе с сыном князя Н.Н. Трубецкого и братьями Тургеневыми, среди которых был и Александр Иванович Тургенев [Сушков 1858: 67, 71–72], весной 1820 г. хлопотавший за Пушкина и сообщавший Вяземскому о принятом решении отправить Пушкина к Инзову⁵. Вяземский же был не хуже Тургенева осведомлен об Инзове или по крайней мере о некоторых нетривиальных особенностях его ранней биографии: с 1811 г. Вяземский был женат на Вере Федоровне, урожденной княжне Гагариной (1790–1886), мать которой Прасковья Юрьевна Кологривова (1762–1846), в первом браке княгиня Гагарина, была дочерью Ю.Н. Трубецкого, воспитавшего Инзова, и именно к ней восходит широко известный рассказ о загадке происхождения Инзова и о появлении его во младенчестве в доме Трубецкого [Фадеев 1897, 1: 61–62].

Но с чем же именно, с мировоззрением какого типа столкнулся Пушкин в ходе знакомства с Инзовым? О его библиотеке и особенно о ее состоянии в то время, когда ею мог воспользоваться Пушкин, достоверных данных мало, но те немногие, которыми мы располагаем, вполне соответствует духу эпохи и личным интересам стареющего масона: «Старик придерживался мистицизма <...>. Большая его библиотека состояла из сочинений: Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и им подобных <...>. Разговоры наши чаще всего касались сказанных сочинений мечтателей» [Мурзакевич 1889: 69]; ср.: «Не огромная, но отборная его библиотека, на простых полках, в углу его спальни, заключала в себе обильный запас назидательного чтения» [Стурдза 1847: 226]. Конечно, сочинения почитавшихся русскими масонами европейских мистиков, ожидаемо обнаруживающиеся у Инзова, сами по себе не обуславливают характер их усвоения: нужно понять, как именно они были прочитаны. Поэтому позволим себе процитировать П.В. Анненкова, которого вряд ли можно считать выдающимся знатоком александровской

⁵ «<...> нет времени сказать слова <...> даже о Пушкине, который едет к генералу Инзову в Крым, и с которым поступлено по-царски в хорошем смысле сего слова» [ОА, 2: 37].

эпохи, тем более ее полускрытых мистико-идеологических аспектов и подтекстов, но который по крайней мере был достаточно близок к ней хронологически, чтобы иметь возможность из первых-вторых рук уяснить себе, пусть в первом приближении, характер мышления ее деятелей и очевидцев. Итак, вот что он написал об Инзове:

Инзов, между прочим, исповедывал — как и вся его партия — известное учение о благодати, способной просветить всякого человека, каким бы слоем пороков и заблуждений он ни был прикрыт, лишь бы нравственная его природа не была окончательно извращена. Вот почему, например, в распушенном, подчас даже безумном Пушкине, Инзов видел более задатков будущности и морального развития, чем в ином изящном господине, с приличными манерами, серьезном по наружности, но глубоко испорченном в душе. По свидетельству покойного Н.С. Алексеева, он был очень искусен в таком распознавании натур, несмотря на кажущуюся свою простоту.

[Анненков 1874: 168–169]

Упоминание о «партии» Инзова имеет в виду, конечно, не политическую «партию» (по крайней мере не ее в первую очередь, не говоря уже о том, что сам факт ее существования специально до сих пор не обсуждался), а нечто иное: религиозную метафизику того типа, которая была свойственна «русским розенкрейцерам» конца XVIII — начала XIX вв. и которая подразумевала возможность открытия в «падшем» мире тех, в ком, под гнетом материального псевдобытия, теплятся образ Софии и искры божественного света. В их сознании эта метафизика в ряде пунктов была принципиально совместимой с некоторыми тенденциями развития уже не только масонской, но и — быть может, в первую очередь — католической литературы, из которой неизбежно выделяется квиетизм, а значит, и сочинения мадам де Гийон, и сочинения Фенелона, и его спор с Боссюэ⁶.

Здесь напомним только о том, что весь круг Н.И. Новикова, М.М. Хераскова, братьев Н.Н. и Ю.Н. Трубецких относился к его сочинениям с исключительным почтением, а едва ли не самым выдающимся его приверженцем был яркий теоретик розенкрейцерства И.В. Лопухин, в имени которого, как известно, был установлен памятник Фенелону и Гийон [Жуковский 1809; Ковальков 1813: 7–8, 9–10, 15–16, 109–110; Воейков 1816: 20; Воейков 1825; Лубяновский 1872: 274; Дубицкий 1889: 94–97; Гаврюшин 2001: 31–34; Гаврюшин 2019: 757–767]. Близким другом Лопухина был князь Н.В. Репнин, роль которого в истории русского масонства оценивается обычно исключительно высоко и при котором с 1789 по 1798 г. Инзов

⁶ Краткое и точное изложение сути этого спора в связи с историей квиетизма: [Вебер, 12: 319–320].

был «адъютантом и домашним»; хорошо осведомленный современник писал по этому поводу: «это воспитание оставило глубокие следы в душе и внешней деятельности Инзова. <...> В то время вокруг Репнина собирались все люди мыслящие, искавшие пищи для ума и сердца в творениях древних и современных мистиков христианских: Елагины, Новиковы, Поздеевы, Радищевы принадлежали к этой школе отвлеченного богомыслия. Не удивительно, что молодой Инзов <...> научился в таком обществе весьма многому» [Стурдза 1847: 218–220]. Представляется существенным, что Лопухин, переживший Репнина, одно из последних своих сочинений посвятил ему — и Фенелону, с которым прямо соотнес своего покойного единомышленника, представшего своего рода русским Фенелоном и одновременно одним из немногих избранных людей духа⁷.

Теперь вернемся к пушкинскому экспромту. В нем есть нечто любопытное: Пушкин говорит о том, что роль Телемака ему наскутила, но все еще ее играет, призывая московскую Итаку, подобно тосковавшему по своей Итаке романному Телемаку, получившему возможность в нее вернуться. Существенно и то, что пушкинской Итакой оказывается именно сравнительно мало ему знакомая, но все же памятная по детским предлицейским впечатлениям Москва, а хорошо знакомый Петербург, из которого он отправился на юг России, — только часть путешествия, которое должно завершиться в исходной точке и которое таким образом охватывает всю жизнь Пушкина, от детских московских лет и до кишиневской скуки.

Разумеется, нет никаких оснований переоценивать данный пушкинский текст, перегружая его фенелоновско-телемаковской серьезностью: он «легкий», серьезный и шуточный одновременно и при этом заведомо не предназначенный для публикации. Одно из измерений «легкости» этого текста состоит в том, что, ассоциируя себя с героем Фенелона и осмысляя свою судьбу по аналогии с судьбой Телемака, Пушкин тут же резко отделяет себя от него: Телемак закончил свое путешествие преображенным, результат же пушкинского — скука, неизбежно ассоциирующаяся с еще не написанным «Путешествием Онегина», но уже предсказывающая его (ср. развитие темы возвращения в Москву в XXXVI строфе седьмой главы [Пушкин, 6: 154–155]).

Однако краткость и «легкость» пушкинского экспромта не снимает вопроса о пушкинском восприятии квиетизма с его специфическим «учением о благодати», оказавшим определенное влияние на его мировоззрение, — вопроса, который был давно поставлен, но

⁷ Ср.: «Я соединил Репнина с Фенелоном. Но во всех землях вселенной отечество Героев истинных одно: чудесная страна изяществ и величий, превышающая обыкновенные обитатели человечества» [Лопухин 1813: 72].

по неясным причинам остался в стороне от основных тем современного пушкиноведения. Поставил его М.О. Гершензон, очень крупный знаток пушкинской эпохи, но не стал специально развивать найденную им тему. Вот фрагмент его статьи, который представляется нам наиболее существенным:

Итак, по мысли Пушкина, ущербный бессилён исцелиться произвольно. Всякое желание <...> проистекает из ущербной природы; поэтому взаплав совершенства <...>, ты этим новым желанием и действием только глубже погружаешь себя в ущербность. Знай же, что ты заключен в порочный круг, и не суживай его усилиями выступить за окружность. Напротив, смиряйся пред совершенством, созерцай его бескорыстно; тогда, бездействием умиления, ты хоть мимолетно вступаешь в покой совершенства. Пушкин <...> любил это чувство, лелеял его в себе и с любовью изображал в других. Самое слово «умиление» он повторял многократно. Он знал терзания совести, «змеи сердечной угрызенья», но его раскаянье всегда молитвенно и смиренно. Таковы строфы «Когда для смертного умолкнет шумный день»; таков его ответ Филарету, чистая песнь сокрушения и благоговенья пред святостью <...>. Умиление внушает Пушкину его Мадонна, «чистойшей прелести чистойший образец»; и всюду, где ему являлось, хотя бы в телесном образе, совершенство, <...> он «благоговеев богомольно перед святыней красоты», его душа трепещет «пред мощной властью красоты». Даже его свирепый Гирей обезоружен святой невинностью Марии. Поэзия Пушкина исполнена умилением, каждый его взгляд на прекрасное и каждое слово о нем суть умиление. Как Пушкин мыслил совершенство и созерцал красоту — поистине, «ангел Рафаэля так созерцает божество» <...>. А в основании этого светлого чувства лежала у него страшная уверенность, что ущербное бытие неисцелимо. Какая убийственная и какая опасная мысль! Она повергает грешного в отчаяние и парализует его волю. Зачем стремиться к святости, когда это стремление и тщетно, и греховно? Пушкин не только не верит в возможность нравственного совершенствования: он еще осуждает и запрещает его. Двадцать столетий люди исповедуют противоположный догмат: грех исцелим; захоти, и исцелишься. Спор идет на протяжении веков лишь о способах исцеления: делами ли спасается грешный, или верою. Но и под верою обычно понимали некое действительное состояние, пусть только духовное, именно стремление к совершенству <...>. Пушкин всем своим умозрением проповедует обратное, квиетизм: оставайся в грехе, не прибавляй к своим желаниям нового и страстнейшего из желаний — желания избавиться от желаний, что и есть святость.

[Гершензон 1919: 18–19]⁸

⁸ Ср. попытку Гершензона, обсуждающего темы «совершенства» и «полноты» бытия у Пушкина, опереться на текст Терезы Авильской (1515–1582), с именем которой обычно связывается возникновение квиетизма: [Гершензон 1919: 21].

Здесь не место обсуждать исключительно сложную и уходящую корнями не только в метафизику культуры Серебряного века, но и в ее отдаленные подтексты концепцию Гершензона, тем более что эта концепция развивалась, уточнялась и дополнялась им на протяжении всего времени занятий Пушкиным. Однако отметим, что она затрагивает нечто весьма существенное в мировоззрении Пушкина: именно в параллель к квиетистскому учению о возможности нисхождения благодати в душу, отрешившуюся от мира и от самой себя, собственной неизбывной без благоволения свыше греховности, Пушкин создает контуры своей концепции поэтического творчества, в основе которой оказывается тема «божественного глагола», «касающегося» того, кто «влачится» в духовном опустошении «пустыни мрачной» [Пушкин, 3: 30], кто «малодушно погружен» в дела «суетного света», кто «<...> меж детей ничтожных мира / Быть может, всех ничтожней <...>» и кто «пробуждается» и бежит прочь от мира в момент нисхождения благодати, подобающей поэту аполлонической [Пушкин, 3: 65]; возможно и иное бегство, связанное уже не с поэтическим вдохновением, а с сознанием неизбывности греха («Напрасно я бегу к сионским высотам, / Грех алчный гонится за мною по пятам...» [Пушкин, 3: 419]).

Другой аспект квиетистской парадигмы, затронувшей Пушкина, — *молчание*, тема которого с полной определенностью зафиксирована в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) («Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувство воздаянья! / Блажен, кто молча был поэт / И, терном славы не увитый, / Презренной чернию забытый, / Без имени покинул свет!» [Пушкин, 2: 326]), «предсказывавшем» проблематику оды Ф.И. Тютчева «Silentium!», напечатанной Пушкиным в «Современнике» [Тютчев 1836: 16] и опиравшейся (в какой мере — еще предстоит установить) на мистическую трактовку *молчания* в целом ряде произведений В.А. Жуковского которые воспринимались современниками в квиетистском контексте [ср.: Вацуро 1994: 62]. С *молчанием* связаны *покой*, *тишина*, *сон* или *дремота*, в которых открывается истинный свет (Ср.: «Я возмужал [среди] печальных бурь, / И дней моих поток, так долго мутный, / [Теперь утих] [дремотою минутной] / И отразил небесную лазурь» [Пушкин, 3: 329]) благодати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
2. Вебер Г. Всеобщая история. Перевод со второго издания, пересмотренного и переработанного при содействии специалистов. Издание К.Т. Солдатенкова. Т. 1–15. М., 1885–1893.

3. *Вигель Ф.Ф.* Москва и Петербург. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский Архив. 1893. № 8. С. 566–584.
4. Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб., 1816.
5. *Воейков А.Ф.* Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его Хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. 11. № 5. С. 66–90.
6. *Гаврюшин М.К.* Юнгов остров. Религиозно-исторический этюд. М., 2001.
7. *Гаврюшин М.К.* У колыбели смыслов. Статьи разных лет. М., 2019 (Серия «Исследования по истории русской мысли» под общей редакцией М.А. Колерова. Т. 22).
8. *Гершензон М.О.* Мудрость Пушкина. М., 1919.
9. *Домбровский Ю.О.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1992–1993.
10. *Домбровский Ю.О.* «И я бы мог...». Заметки и размышления писателя // Новый мир. 1975. № 12. С. 205–216.
11. *Дубицкий А.И.* Иван Владимирович Лопухин. Историко-литературное исследование. Казань, 1889.
12. [*Жуковский В.А.* О Фенелоне] // Вестник Европы. 1809. № 4. С. 298–299.
13. *Кардаш Е.В.* Поэтическая фразеология перевода А.С. Пушкина «Из А. Шенье»: источники и контексты // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. С. 220. С. 217–238.
14. [*Ковальков А.И.*] Мирное отдохновение в садах сельца Савинского, во время нашествия врагов, или восхищение Юноши — Юнга Рус<с>кого; при блеске дня невечернего. Прозо–поэтическое творение // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 2. С. 1–126.
15. *Краснобородько Т.Г.* Самый ранний автограф Пушкина? Надпись на книге «Fables de Fénelon» (Об одном пушкиноведческом заблуждении) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin. СПб., 2020. С. 38–51.
16. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.
17. [*Лопухин И.В.*] Примеры истинного геройства, или князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах // Друг юношества и всяких лет. 1813. № 3. С. 1–102.
18. *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания. 1777–1834. М., 1872.
19. *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910.
20. *Модзалевский Л.Б.* Неизвестный автограф Пушкина // Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 157.
21. *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. Примечания и биографический очерк кн. В.Д. Дабижа. СПб., 1889.
22. Остафьевский архив князей Вяземских. Издание графа С.Д. Шереметева. Под ред. и с прим. В.И. Сaitова. Т. 1–5. СПб., 1899–1913.
23. *Пушкин [А.С.]* Полн. собр. соч.: Т. 1–17 <М.; Л.:>, 1936–1959.
24. *Рак В.Д.* Фенелон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18 / 19. СПб.: Наука, 2004. С. 338.
25. *Стурдза А.С.* Воспоминания об Иване Никитиче Инзове // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 217–228.
26. *Сушков Н.В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. Издание поправленное и пополненное. М., 1858.
27. [*Тютчев Ф.И.*] Стихотворения, присланные из Германии // Современник. 1836. № 3. С. 5–22.
28. *Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790–1867 гг.: В 2 ч. Одесса, 1897.

29. *Фенелон, Франсуа де*. Похождение Телемака, сына Улисса. Сочинено г.[осподином] Фенелоном учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римския империи. Переведено на российской язык в 1734 году [А.Ф. Хрущевым]. И по особливому Высочайшему соизволению Ея Императорскаго Величества Всемилостивейшия Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской напечатано. СПб., 1747.
30. *Фенелон, Франсуа де*. Странствовании Телемака сына Улисса. Творение архиепископа Фенелона, вновь переведенное Иваном Захаровым. Ч. 1–2. СПб., 1786.
31. *Фенелон, Франсуа де*. Приключения Телемака сына Улисса, сочиненные Фенелоном, а с французскаго на российской язык переведенныя кадетом Имп. Шляхетного сухопутнаго кадетскаго корпуса Петром Железниковым. В пользу онаго Корпуса. Ч. 1–2. СПб., 1788–1789.
32. *Фенелон, Франсуа де*. Приключения Телемака, сына Улисса. Вновь перевел с подлинника Федор Лубяновский: С прибавлением Краткаго описания свойств высокой добродетели и изящных сочинений великаго Фенелона, содержащаго несколько о нем анекдотов, между коими есть и мало еще известные; и с картинкою, представляющею некоторые из них, при изображении достопамятнаго восторга почтения, коим преисполнен был к Фенелону славный Ж.Ж. Руссо. Ч. 1–2. М., 1797–1800.
33. *Фенелон, Франсуа де*. Странствование Телемака сына Уллисова. Перевод г.[осподина] Ш.[иповскаго]. Ч. 1–2. В Санктпетербурге, 1805.
34. *Фенелон, Франсуа де*. Странствования Телемака, сына Улисса. Перевод г.<осподина> Шиповскаго, по его последней рукописи вновь с подлинником сверенный и исправленный Е. Люценко. Ч.1–2. С прибавлением картин, портрета Фенелона и жизни сего автора. Иждивением книгопродавца Ивана Заикина. СПб., 1822.
35. *Фенелон, Франсуа де*. Странствия Телемака, сына Улисса. Перевод, пересмотренный А. Очкиным. Издание книгопродавцев братьев Матвея и Михаила Заикиных. Ч. 1–2. СПб., 1835–1836.
36. *Chénier A., de*. Oeuvres complètes, Paris, 1819.
37. *Fénelon, François de*. Oeuvres [...], publiées d'après les manuscrits originaux, et les éditions les plus correctes; avec un grand nombre de pièces inédites. T. 1–22. A Versailles: De L'Imprimerie de J.B. Jebel, imprimeur du Roi, 1820–1824.
38. *Fénelon, François de*. Les Aventures De Telemaque. T. 1–3. A La Haye: Chés Adrien Moetjens, Marchand Libraire, 1699.
39. *Fénelon, François de*. Aventures De Telemaque, Fils D'Ulysse, Ou Suite Du Quatrieme Livre De L'Odysee D'Homere. [...]. Dernière Edition [...]. A La Haye: Chez Adrian Moetjens, Marchand Libraire, près la Cour, à la Librairie Française, 1703.
40. *Fénelon, François de*. Œuvres [...], précédées d'Etudes sur sa Vie, par M. Aimé-Martin. V. 1–3. Paris, 1835.

REFERENCES

1. Vatsuro V.E. *Lirika pushkinskoy pory. «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin's time. "Elegiac School"]. St. Petersburg, Nauka, 1994. (In Russ.)
2. *Vseobshchaya istoriya Georga Vebera* [General history of Georg Weber]. Pervod so vtorogo izdaniya, peresmotrennogo i pererabotannogo pri sodeystvii spetsialistov. Izdaniye K.T. Soldatenkova. T. 1–15. Moscow, Tip. V.V. Melen'yeva, 1885–1893. (In Russ.)

3. Vigel' F.F. Moskva i Peterburg. Pis'mo k priyatel'yu v Simbirsk [Moscow and St. Petersburg. Letter to a friend in Simbirsk] // Russkiy Arkhiv. 1893. № 8. S. 566–584. (In Russ.)
4. Sady ili Iskusstvo ukrashat' sel'skiye vidy [Gardens or the Art of decorating rural views]. Sochineniye Delilya. Perevel Aleksandr Voyeykov. St. Petersburg, V Meditsinskoy tipografii, 1816. (In Russ.)
5. Voyeykov A.F. Vospominaniye o sele Savinskom i o dobrodetel'nom yego Khozyaine [Memories of the village of Savinsky and its virtuous owner] // Novosti literatury. 1825. Kn. 11. № 5. S.66–90. (In Russ.)
6. Gavryushin M.K. Yungov ostrov. Religiozno-istoricheskiy etyud [Jung's Island. Religious-historical study]. Moscow, Logo-N, 2001. (In Russ.)
7. Gavryushin M.K. U kolybeli smyslov. Stat'i raznykh let [At the cradle of meanings. Articles from different years]. Moscow, Modest Kolerov, 2019 (Seriya «Issledovaniya po istorii russkoy mysli» pod obshchey redaktsiyey M.A. Kolerova. T. 22). (In Russ.)
8. Gershenzon M.O. Mudrost' Pushkina [Wisdom of Pushkin]. Moscow, Tovarishchestvo «Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve», 1919. (In Russ.)
9. Dombrovskiy Yu.O. Sobr. soch. [Works]: V 6 t. Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Terra», 1992–1993. (In Russ.)
10. Dombrovskiy Yu.O. «I ya by mog...». Zametki i razmyshleniya pisatelya [“And I could...” Notes and reflections of the writer] // Novyy mir. 1975. № 12. S. 205–216. (In Russ.)
11. Dubitskiy A.I. Ivan Vladimirovich Lopukhin. Istoriko-literaturnoye issledovaniye [Ivan Vladimirovich Lopukhin. Historical and literary research]. Kazan': Tip. Imp. Universiteta, 1889. (In Russ.)
12. Zhukovskiy V.A. O Fenelone [About Fenelone] // Vestnik Yevropy. 1809. P. 298–299. (In Russ.)
13. Kardash Ye.V. Poeticheskaya frazeologiya perevoda A.S. Pushkina «Iz A. Shen'ye»: istochniki i konteksty [Poetic phraseology of translation by A.S. Pushkin “From A. Chenier”: sources and contexts] // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. P. 220. P. 217–238. (In Russ.)
14. [Koval'kov A.I.] Mirnoye otdokhnoveniye v sadakh sel'tsa Savinskogo [Peaceful relaxation in the gardens of the village of Savinsky], vo vremya nashestviya vragov, ili voskhishcheniye Yunoshi — Yunga Rus[s]kogo; pri bleske dnya nevechernego. Prozo — poeticheskoye tvoreniye // Drug yunoshstva i vsyakikh let. 1813. № 2. P. 1–126. (In Russ.)
15. Krasnoborod'ko T.G. Samyy ranniy avtograf Pushkina? [Pushkin's earliest autograph?] Nadpis' na knige «Fables de Fénelon» (Ob odnom pushkinovedcheskom zabluzhdenii) // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin. St. Petersburg, 2020. P. 38–51. (In Russ.)
16. Letopis' zhini i tvorchestva A.S. Pushkina [Chronicle of the life and creativity of A.S. Pushkin]: V 4 t. / Sost. M.A. Tsyavlovskiy, N.A. Tarkhova. M.: Slovo, 1999. (In Russ.)
17. [Lopukhin I.V.] Primery istinnogo geroystva [Examples of true heroism], ili knyaz' Reprin i Fenelon v svoikh sobstvennykh chertakh // Drug yunoshstva i vsyakikh let. 1813. № 3. P. 1–102. (In Russ.)
18. Lubyanovskiy F.P. Vospominaniya [Memories]. 1777–1834. Moscow, Tip. Gracheva, 1872. (In Russ.)
19. Modzalevskiy B.L. Biblioteka Pushkina. (Bibliograficheskoye opisaniye) [Pushkin Library. (Bibliographic description)]. St. Petersburg, Imp. Imp. Akademii nauk, 1910. (In Russ.)

20. Modzalevskiy L.B. Neizvestnyy avtograf Pushkina [Unknown autograph of Pushkin] // Literaturnyy arkhiv. T. 1. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1938. P. 157. (In Russ.)
21. Murzakevich N.N. Avtobiografiya [Autobiography]. Primechaniya i biograficheskiy ocherk kn. V.D. Dabizha. St. Petersburg, Tipografiya V.S. Balasheva, 1889. (In Russ.)
22. Ostaf'yevskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh [Ostafevsky archive of the princes Vyazemsky]. Izdaniye grafa S.D. Sheremeteva. Pod redaktsiyey i s primechaniyami V.I. Saitova. T. 1–5. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899–1913. (In Russ.)
23. Pushkin [A.S.] Poln. sobr. soch. [Omnibus edition]: T. 1–17 <Moscow; Leningrad> Izd-vo AN SSSR, 1936–1959. (In Russ.)
24. Rak V.D. Fenelon // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 18 / 19. St. Petersburg, Nauka, 2004. P. 338. (In Russ.)
25. Sturdza A.S. Vospominaniya ob Ivane Nikitiche Inzove [Memories of Ivan Nikitich Inzov] // Moskvityanin. 1847. Ch. 1. P. 217–228. (In Russ.)
26. Sushkov N.V. Moskovskiy universitetskiy Blagorodnyy pansion i vospitanniki Moskovskogo universiteta [Moscow University Noble boarding school and students of Moscow University], gimnaziy yego, universitetskogo Blagorodnogo pansiona i Druzheskogo obshchestva. Izdaniye popravlennoye i popolnennoye. Moscow, V Universitetskoy tip., 1858. (In Russ.)
27. [Tyutchev F.I.] Stikhotvoreniya, prislannyye iz Germanii [Poems sent from Germany] // Sovremennik. 1836. № 3. P. 5–22. (In Russ.)
28. Fadeyev A.M. Vospominaniya [Memories]. 1790–1867 gg.: V 2 ch. Odessa: Tip. Vysochayshe uchrezhdenного Yuzhno-Russkogo Obshchestva pechatnogo dela, 1897. (In Russ.)
29. Fenelon, Fransua. Pokhozhdeniye Telemaka, syna Uliissova [The Adventures of Telemachus, Son of Ulysses]. Sochineno g.<ospodinom> Fenelonom uchitelem detey korolya frantsuskogo, byvshim potom arkhiepiskopom Kambreykskim, i knyazem Rimskiy imperii. Perevedeno na rossiyskoy yazyk v 1734 godu [A.F. Khrushchevym]. I po osoblivomu Vysochayshemu soizvoleniyu Yeya Imperatorskago Velichestva Vsemilostiveyshiya Gosudaryni Yelisavety Petrovny Samoderzhitsy Vserossyiskoy napechatano. St. Petersburg, Pri Imp. Akad. nauk, 1747. (In Russ.)
30. Fenelon, Fransua. Stranstvovaniy Telemaka syna Uliissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Tvoreniye arkhiepiskopa Fenelona, vnov' perevedennoye Ivanom Zakharovym. Ch. 1–2. St. Petersburg, Pech. u Shnora, 1786. (In Russ.)
31. Fenelon, Fransua. Priklyucheniya Telemaka syna Uliissova [The Adventures of Telemachus son of Ulysses], sochinennyye Fenelonom, a s frantsuzskago na rossiyskoy yazyk perevedennyya kadetom Imp. Shlyakhetnogo sukhoputnago kadetskago korpusa Petrom Zheleznikovym. V pol'zu onago Korpusa. Ch. 1–2. St. Petersburg, [Pech. pri Imp. Shlyakhet. sukhoput. kadet. korpuse], 1788–1789. (In Russ.)
32. Fenelon, Fransua de. Priklyucheniya Telemaka, syna Uliissova [The Adventures of Telemachus son of Ulysses]. Vnov' perevel s podlinnika Fedor Lubyanskiy: S pribavleniyem Kratkago opisaniya svoystv vysokoy dobrodeteli i izyashchnykh sochineniy velikago Fenelona, sodержashchago neskol'ko o nem anekdotov, mezhd u koimi yest' i malo yeshche izvestnyye; i s kartinkoyu, predstavlyayushcheyu nekotoryye iz nikh, pri izobrazhenii dostopamyatnago vostorga pochteniya, koim preispolnen byl k Fenelonu slavnnyy Zh.Zh. Russo. Ch. 1–2. Moscow, Tip. Ponomareva, 1797–1800. (In Russ.)
33. Fenelon, Fransua de. Stranstvovaniye Telemaka syna Uliissova. Perevod g.[ospodina] Sh.[ipovskogo.] Ch. 1–2. V Sanktpeterburge: V Tipografii Shnora, 1805. (In Russ.)
34. Fenelon, Fransua de. Stranstvovaniya Telemaka, syna Uliissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Perevod g.[ospodina] Shipovskago, po yego posledney

- rukopisi vnov' s podlinnikom sverenny i ispravlenny Ye. Lyutsenko. Ch.1–2. S pribavleniyem kartin, portreta Fenelona i zhizni sego avtora. Izhdiveniyem knigoprodavtsa Ivana Zaikina. St. Petersburg, V Tipografii N. Grecha, 1822. (In Russ.)
35. Fenelon, Fransua de. Stranstviya Telemaka, syna Ulissova [The Wanderings of Telemachus, Son of Ulysses]. Perevod, peresmotrenny A. Ochkinym. Izdaniye knigoprodavtsev brat'yev Matveya i Mikhaila Zaikinykh. Ch. 1–2. St. Petersburg, V tip. Konrada Vingebera, 1835–1836. (In Russ.)
 36. Chénier A., de. Oeuvres complètes, Paris: Foulon et Compagnie, Libraires; Baudouin Frères, Libraires, 1819.
 37. Fénelon, François de. Oeuvres [...], publiées d'après les manuscrits originaux, et les éditions les plus correctes; avec un grand nombre de pièces inédites. T. 1–22. A Versailles: De L'Imprimerie de J.B. Jebel, imprimeur du Roi, 1820–1824.
 38. Fénelon, François de. Les Aventures De Telemaque. T. 1–3. A La Haye: Chés Adrien Moetjens, Marchand Libraire, 1699.
 39. Fénelon, François de. Aventures De Telemaque, Fils D'Ulysse, Ou Suite Du Quatrieme Livre De L'Odysee D'Homere. [...]. Dernière Edition [...]. A La Haye: Chez Adrian Moetjens, Marchand Libraire, près la Cour, à la Librairie Française, 1703.
 40. Fénelon, François de. Œuvres [...], précédées d'Etudes sur sa Vie, par M. Aimé-Martin. V. 1–3. Paris: Chez Lefèvre, Libraire- Éditeur, 1835.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Ивинский Дмитрий Павлович — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy Ivinskiy — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dmitrij_ivinskij@mail.ru